

Мольер Жан Батист

Тартюф или Лицемер

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Ж27

Ж27 **Жан Батист М.**
Тартюф или Лицемер / Мольер Жан Батист – М.: Книга по Требованию, 2024. – 151 с.

ISBN 978-5-519-97271-0

ISBN 978-5-519-97271-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Гжа. Пернеле.

А ты, мой другъ! шестью лиферами мовить, дуракъ. Я тебѣ это, какъ бабка, говорю. Я сыну своему, а швоему опцу, состо разъ пророчествовала, что въ тебѣ мало добра, будетъ, и что ты ему ничто иное, какъ только печаль принесешь можешь.

Маріана.

Я думаю - - -

Гжа. Пернеле.

Боже мой! вопъ еще и сестрица; какъ же крошка! какъ постоляна! Ты такъ дѣлаешься, будто бы и водой не замутила; да всякъ знаетъ, что шихая вода глубока. Твои пошупки мнѣ очень несносны.

Эльмира.

Однакожъ, машушка! - - -

Гжа. Пернеле.

Не прогнѣвайся, невѣстушка! твои дѣла вовсе ни на что не надобны. Тебѣ было надобно дѣшамъ добрымъ примѣромъ бышь. Покойная мать швоя совѣмъ иначе жила, а ты все презираешь. Какъ же мнѣ не досадно, что ты передъ глазами моими, такъ какъ Принцесса, нарядаъ ходишь? Женѣ,

кошорзз лншъ толъко мужу своему угодишь,
хочешъ, наряды эданіе не надобны.

Клеантъ.

Да когда всѣ такъ - - -

Гжа. Пернеле.

Вы, сударь! ей брашецъ. Я хотя ннзго
объ васъ мнѣніа и довольна вами; однакожъ,
когда бы не на мѣстѣ сына моего была,
шо бы очень просить васъ спала, чшобъ вы
ко мнѣ въ домъ ннкогда ни ногою не жало-
вали. Вы учите людей шому, чего ни одинъ
честной человекъ дѣлать не долженъ. Я
нѣсколько смѣло съ вами говорю; да вы знае-
те, что я такой обычай имѣю, и что у
меня ничего такого въ зубахъ не завязнешъ,
что я въ сердцѣ имѣю.

Дамисъ.

Истинно это великое щасье вашему
Таршюфу.

Гжа. Пернеле.

То - то человекъ, кошораго слушать на-
добно! и мнѣ всего досадиѣ, что эдакой
дуракъ, какъ ты, противъ него смѣешъ во-
оружаться,

Да-

Дамисъ.

Какъ! чтобы я допустилъ эдакому хан-жѣ нами всѣми ругаться? Намъ развѣ ужъ никакой свободы и веселья не имѣть, когда этому господину оно не угодно?

Дорина.

Ежели его слушать и поступать по его приказамъ, то ничего не надобно дѣлать, для того что все у него грѣхъ. Вить всѣпустосвятыи все жуляшъ,

Гжа. Пернеле.

А что онъ хулитъ, такъ это правильно. Онъ показываетъ вамъ путь ко спасенію; и по прямому надобно бы было сыну моему васъ всѣхъ до того довести, чтобы вы его почитали.

Дамисъ.

Нѣтъ, бабушка! Слушайте: ничто не свѣтъ, не только отецъ мой, меня въ то привести не можетъ, чтобы я объ немъ хорошо думалъ. Развѣ мнѣ на себя солгать, когда иначе объ немъ говорить? Мнѣ всегда досадны его удивительныя дѣла. Я опасенъ, чтобы у меня съ нимъ чего худого не дѣлалось.

Дорина.

Эпо право очень досадно , что эдакой бродяга нищей , которой , какъ къ намъ въ домъ пришолъ , башмаковъ на ногахъ не имѣлъ , да и за все его плащье нишко гроша бы не далъ , могъ такъ вкрасься , что безстыдностію своею всему прошивишся и господиномъ надо всѣмъ бышь хочешь.

Гжа. Пернеле.

О! ежелибъ его поступкамъ всегда слѣдовали , то бы конечно гораздо лучше было.

Дорина.

Да , въ взникъ мысляхъ ояъ великой праведникъ. Повѣрьтежъ мнѣ , что эпо ни-что иное , какъ одно лицемерство.

Гжа. Пернеле.

Слушай пожалуй эдакого вранья!

Дорина.

Я не вѣрю какъ ему , щакъ и слугѣ его Лоренсу ни на волосъ.

Гжа. Пернеле.

Слугу его я обстоятельно не знаю , а господинъ человекъ добродѣтельной и правед-

ведной; онъ вамъ всѣмъ для того прошивенъ и ненавидимъ, что говоритъ правду. Онъ воюетъ противъ грѣшниковъ и рачитъ о законъ Божию.

Дорина.

Такъ, правда. Да для чегожъ онъ не можетъ пернѣть того, что люди къ намъ въ домъ приходятъ? Что худого въ посѣщеніи честныхъ людей, что онъ о томъ сполько вздоритъ? Ежели я теперь емлю сказать, отъ чего это дѣлается: такъ это то, что онъ въ госпожу нашу влюбленъ (*указываетъ на Эльмиру*).

Гжа. Пернеле.

Зажми ротъ, и одумайся, что ты говоришь. Не одинъ онъ о гостяхъ вашихъ худое говоритъ. Содомъ отъ нихъ и тѣсноша отъ карешъ ихъ, которыхъ всякой день множество у воротъ стоитъ; а притомъ крикъ да шумъ отъ ихъ ласкесъ дѣлаютъ великое сосѣдямъ подозрѣніе. Я хотя и знаю, что ничего худого отъ того нѣтъ, а люди о томъ говорятъ, да и дурно.

Клеантъ.

Развѣ вы хотите людямъ говорить запрещить? Это бы было очень дурно, чтобъ

А ;

для

для глупости людскихъ рѣчей съ друзьями не знаться. Пускай же хоша бы шакъ и сдѣлать: то не думаетель вы, что шѣмъ ужъ всѣмъ людямъ ротъ зажать можно! Нѣтъ на свѣтѣ никакого вѣрнаго способу отъ порицанія, и для того не надобно на глупости танихъ поносителей смотрѣть, да должно стараться безпорочную жизнь вести; а вѣдніе врали пускай что хоятъ, то говорятъ.

Дорина.

Не правда ли то, что сестѣдка наша Гжа. Дафна съ мужемъ своимъ тѣ люди, которые про насъ худо говорятъ? Люди такіе, которые сами поступками своими всѣмъ смѣшны, всегда бывають ко всякому дѣлу первыми. И когда гдѣ нибудь хоша маленько что любовнаго покажется, то уже много шуму надѣлають; разнесутъ потчасъ вѣсти повсюду, и сдѣлають все дѣло такъ, что повѣрить должно будешъ; раздвѣшашъ чужое дѣло собственною своею краскою, и шѣмъ думашъ своихъ пороковъ избавишься. Имъ кажется, когда они кѣ другимъ себя приравняють, то уже тайныя дѣла ихъ будутъ не видны; и тогда уже хоша бы они и по уши въ порокахъ утопали, то вся вина на другихъ падешъ.

Гжа.

Гжа. Пернеле.

Все, что вы ни говорите, не похоже на дѣло. Извѣстно, что Ороиша честную жизнь имѣетъ, и всѣ мысли ея къ Богу устремлены, такъ я отъ другихъ слышала, что и она о прѣздахъ господей вашихъ очень худого мнѣнія.

Дорина.

Изящное доказательство! да и женщина честная! Правда, она очень строго себя ведетъ; однакожъ любезная старость дѣлаетъ ее набожною, и она лишь только по неволѣ богобоязненна. До тѣхъ поръ, пока она сердца привлекать къ себѣ могла, то умѣла ихъ въ пользу свою употреблять; а какъ увидѣла, что глаза ея весь огонь свой потеряли, то вздумала отказаться отъ того свѣту, отъ котораго она сама оставлена, и хочетъ разумно поступать, а тѣмъ прикрыть слабость упавшихъ пріятностей своихъ. Такія обращенія нынѣ у непотребныхъ въ обычаѣ. Имъ очень тяжело то видѣть, когда ихъ любовники покидаютъ. Ръ уединеніи своемъ не умѣютъ онѣ отъ унынія ничего иного сдѣлать, какъ только прищипаться праведниками. Строгая жизнь эдакихъ женщинъ превосходитъ все, такъ что онѣ
ни

ни на что не взираютъ. Ругаютъ всякаго
явно, да можетъ быть не отъ Христiанской
любви, а отъ зависти. Онѣ того отнюдь
сносить не могутъ, что другихъ веселятъ,
и что владѣющая надъ ними старость имъ
запрещаетъ.

Гжа. Пернеле.

Видишь, невѣстущка! что эдакую пу-
стошь говорятъ для того только, что те-
бѣ это надобно. При нихъ должно мнѣ было
молчать, для того что эта госпожа одна
все говорить хочетъ. Наконецъ пришла
очередь и до меня; я стану теперь говорить:
Сынъ мой въ жизнь свою всего разумнѣе
сдѣлалъ то, что этого праведника къ себѣ
взялъ. Богъ его далъ вамъ для того, чтобы
поправить ваши заблужденія и направить
на истинной путь спасенія. Для благополучія
вашего надобно вамъ его слушать. Все, что онъ
презираетъ, достойно презрѣнія. Всегдашнія
отъ гостей поѣдденія, танцы и прочія
ваши забавы, не иное что, какъ дѣйствіемъ
злаго духа. Не слышно тутъ никогда добраго
нравоученія. Все, что вы ни говорите, такой
вздоръ и враки, что слушаешь нечего. Однимъ
словомъ, у всякаго разумнаго человека, бу-
дучи вмѣстѣ съ вами, голова вокругъ пойдетъ;
для того что на одной минутѣ о многихъ

ве-

вещахъ врано будетъ. Я хочу вамъ сказать, что проповѣдникъ одинъ говоритъ - - - Смотри пожалуй, какъ эштоу господинъ изволишь смѣяться! Прости невѣстушка! я не хочу больше ничего говорить; однакожъ будь извѣстна, что я еще половину умолчала до другого времени. (*Ударила въ щоку Флипоту*) Спускай, что ты спала и розинула ротъ? Добро, я тебя выучу! (*Отходятъ всѣ, кромѣ Клеанта и Дорины.*)

ЯВЛЕНІЕ 2.

Клеантъ и Дорина.

Клеантъ.

Я не пойду за нею; боюсь, чтобы опять ко мнѣ не привязалась. Куды какъ глупа!

Дорина.

О! жаль, что она этого не слышитъ, что вы говорите; она бы сказала, что вы сами глупы; а она, въ такихъ будучи дѣлахъ, того конечно не заслужила.

Кле-

Клеантъ.

Она ни за что на насъ разсердилась ;
и куды какъ дорогъ ей Таршюфъ !

Дорина.

Она прошивъ сына - то своего еще ничто. Ежели бы вы его увидѣли , то бы конечно сказали , что впошъ еще зѣте. Онъ во время войны былъ человекъ разумной и на все способной , да и довольно сердца имѣлъ Государю своему услужить. А съ тѣхъ поръ , какъ его Таршюфъ обворожилъ , сдѣлался онъ совершеннымъ дуракомъ. Называютъ его братомъ , и любивъ сто разъ больше , нежели мать , сына , дочь и жену. Ввѣрилъ ему всѣ свои тайности , и отдался совсѣмъ ему во власть. Любовь его къ нему такъ велика , что и прошивъ любовницы довольно бы спольно было. За сполонъ имѣетъ онъ всегда первое мѣсто , и радуется , когда онъ прошивъ шестерыхъ сѣбѣ Всегда лучшее кушанье кладетъ передъ него самъ ; и когда рыгнетъ , скажетъ ему здравствуй. Однимъ словомъ , онъ имъ плененъ. Почитаетъ его , какъ идола ; всѣ дѣла его кажутся ему удивительны ; что онъ скажетъ , то уже все за свято принимается. А Таршюфъ , видя , какъ легко его обмануть

мож-